 © Авторы статьи / Authors of the article

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА/LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.81.6 EDN: KPQMEY

ОБРАЗ НОЧИ КАК ХРОНОТОПИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» И ЕГО ПЕРЕДАЧА В ПЕРСИДСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Научная статья

Саидзода О.С.[1, *]

[1] Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан

* Корреспондирующий автор (odinahmad-94[at]mail.ru)

Предложена: 29.06.2026; Принята: 20.08.2026; Опубликована: 09.09.2026

Аннотация

В статье исследуются художественное пространство и художественное время как важнейшие элементы структуры литературного произведения на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Автор рассматривает роль категорий пространства и времени в формировании содержания произведения, построении сюжета, раскрытии внутреннего мира персонажей и художественном осмыслении действительности. На основе конкретных примеров из оригинального текста романа и его персидского перевода анализируются особенности изображения ночи как временного отрезка и её влияние на психологическое состояние и поведение героев. Одновременно изучаются вопросы соотношения пространства и места, роль «точки зрения» в повествовании, а также особенности передачи данных элементов в переводе. Результаты исследования показывают, что художественные пространство и время выступают важными средствами смыслообразования и познания художественной реальности и в значительной степени сохраняются в переводе.

Ключевые слова: художественное пространство, художественное время, хронотоп, роман, Лев Толстой, Война и мир, персидский перевод, точка зрения, повествование, поэтика.

THE IMAGE OF NIGHT AS A CHRONOTOPIC ELEMENT IN L.N. TOLSTOY'S NOVEL "WAR AND PEACE" AND ITS TRANSFER IN PERSIAN TRANSLATION

Research article

Saidzoda O.S.[1, *]

[1] Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

* Corresponding author (odinahmad-94[at]mail.ru)

Suggested: 29.06.2026; Accepted: 20.08.2026; Published: 09.09.2026

Abstract

The given article dwells on artistic space and artistic time as essential elements of the structure of a literary work, using Leo Tolstoy’s novel "War and Peace" as a case study. The author explores the role of the categories of space and time in shaping the content of the work, constructing the plot, revealing the inner world of the characters, and representing artistic reality. Drawing on specific examples from the original text of the novel and its Persian translation, the study analyzes the representation of night as a temporal segment and its influence on the psychological state and behavior of the characters. The article also investigates the relationship between space and place, the role of the "point of view" in narration, and the peculiarities of conveying these elements in translation. The findings demonstrate that artistic space and time serve as important means of meaning-making and understanding artistic reality and are largely preserved in translation.

Keywords: artistic space, artistic time, chronotope, novel, Leo Tolstoy, War and Peace, Persian translation, point of view, narration, poetics.

Введение

Построение художественного произведения включает в себя совокупность средств и элементов, существование которых необходимо и чрезвычайно важно для возникновения и формирования произведения. Прежде всего, рассматриваемое произведение предполагает наличие пространства и времени, поскольку происходящие события, явления и жизнь действующих лиц требуют определённых границ и территории в различных временных отрезках. В то же время каждое произведение обладает собственным миром предметов и вещей, которые составляют его материальную протяжённость и формируют художественное пространство [4]. С другой стороны, продолжительность существования элементов этого мира и интервалы между ними образуют художественное время. Согласно мнению Е. Фарыно, каждое произведение имеет присущий ему материальный фундамент, который, в свою очередь, включает материальную и временную протяжённость. Разумеется, это время и пространство не входят непосредственно в мир произведения, хотя и являются основными средствами художественного моделирования [5, С. 363].

Следует отметить, что эти две категории тесно взаимосвязаны, однако в зависимости от особенностей произведения могут анализироваться и оцениваться отдельно друг от друга.

В художественном произведении время и пространство формируются посредством описания физических объектов, их состояний и положений, а также подчёркивания расстояний между ними [2], [6], [8], [11].

 © Авторы статьи / Authors of the article

Согласно мнению П.А. Флоренского, деятельность художника направлена на соединение пространства и времени. Если рассматривать художественное произведение как предмет, то этот предмет обладает особой протяжённостью, которая относится ко всем частям произведения, однако не создаётся художественным временем. Время, существующее в произведении, не имеет ничего общего со временем, изображённым в нём [6, С. 230].

Актуальность исследования. Категории художественного пространства и времени принадлежат к числу фундаментальных проблем современного литературоведения, поскольку именно они определяют онтологическую и эстетическую природу литературного произведения. В эпоху усиливающегося интереса к проблемам межкультурной коммуникации и перевода особую значимость приобретает изучение того, каким образом пространственно-временная организация текста, составляющая его смыслообразующую основу, сохраняется при переходе из одной языковой системы в другую. Обращение к роману Л.Н. Толстого «Война и мир» в данном контексте представляется особенно плодотворным, поскольку это произведение, отличающееся исключительной сложностью пространственно-временной структуры, неоднократно становилось объектом перевода на различные языки, что позволяет проследить механизмы межкультурной передачи художественных смыслов. Актуальность работы обусловлена также необходимостью выявления универсальных и национально-специфических способов репрезентации пространства и времени в художественном тексте, что имеет значение как для теории перевода, так и для поэтики.

Основная цель статьи состоит в комплексном исследовании художественного пространства и художественного времени как структурообразующих элементов романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и в выявлении способов их сохранения в персидском переводе. В рамках данной цели решаются следующие задачи: анализ особенностей репрезентации временного отрезка «ночи» и его влияния на психологическое состояние персонажей; рассмотрение соотношения категорий «пространство» и «место» в структуре толстовского повествования; исследование роли «точки зрения» в формировании пространственно-временной перспективы текста; сопоставительный анализ оригинального и переводного текстов с целью определения степени адекватности передачи пространственно-временных характеристик.

Функции статьи. Настоящая работа выполняет ряд взаимосвязанных функций: теоретико-методологическую — уточняет понятийный аппарат, связанный с исследованием художественного пространства и времени в литературоведении; аналитическую — предлагает развёрнутый анализ конкретных фрагментов романа Л.Н. Толстого с точки зрения их пространственно-временной организации; сопоставительную — выявляет сходства и различия в способах передачи пространственно-временных характеристик в оригинальном и переводном текстах; интерпретационную — раскрывает роль пространственно-временных категорий в формировании психологического портрета персонажей и смыслового содержания произведения в целом. Кроме того, статья выполняет практико-ориентированную функцию, предоставляя материал для дальнейших исследований в области поэтики, нарратологии и теории художественного перевода.

Генезис статьи. Данное исследование сложилось на пересечении нескольких научных традиций. Теоретической основой работы послужили труды М.М. Бахтина о хронотопе и формах времени в романе, концепции Ю.М. Лотмана о пространственном моделировании как семиотическом механизме, идеи Б.А. Успенского о «точке зрения» как композиционной проблеме, а также работы П.А. Флоренского и Д.С. Лихачёва об организации художественного пространства и времени. Эмпирической базой стали оригинальный текст романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и его персидский перевод, выполненный в Тегеране в 1977 году. Выбор именно этого перевода обусловлен его распространённостью в ираноязычной культурной среде и репрезентативностью как образца художественного перевода с русского языка на персидский. Статья возникла как результат сопоставительного анализа, позволившего выявить как общие закономерности, так и частные особенности передачи пространственно-временных категорий в условиях межъязыковой коммуникации.

Материалы и методы исследования

Материалом настоящего исследования послужили два текста: оригинальный роман Л.Н. Толстого «Война и мир» (том первый) и его персидский перевод, опубликованный в Тегеране издательством «Паям-э Нав» в 1977 году. Выбор данного переводного издания обусловлен его широким распространением в персидскоязычной среде и тем фактом, что он представляет собой один из наиболее полных и художественно состоятельных переводов романа на персидский язык. Для сравнительного анализа привлекались фрагменты текста, в которых категории времени и пространства играют ключевую роль в раскрытии психологического состояния персонажей и развитии сюжетного действия. Основное внимание уделено эпизодам, связанным с изображением ночного времени как особого временного отрезка, а также сценам, где пространственные характеристики (географические, бытовые, природные) выступают в качестве значимых элементов повествовательной структуры.

В ходе работы применялся комплекс методов исследования, обеспечивающих многоаспектный анализ материала. Описательный метод использовался для характеристики особенностей репрезентации пространства и времени в тексте романа. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить сходства и различия между оригинальным и переводным текстами на уровне передачи пространственно-временных характеристик. Структурно-семантический метод применялся для анализа внутренней организации текста, выявления роли пространственно-временных категорий в формировании смысловой структуры произведения. Элементы нарратологического анализа использовались при исследовании категории «точки зрения» и её роли в организации повествования. Контекстуальный анализ позволил рассматривать каждый фрагмент в единстве его художественных, семантических и функциональных характеристик. Метод лингвостилистического анализа применялся при сопоставлении лексико-грамматических и стилистических средств выражения пространственно-временных отношений в русском и персидском языках.

Особое значение в работе придаётся комплексному анализу текста, предполагающему рассмотрение каждого фрагмента в единстве его формальных и содержательных аспектов. Такой подход позволяет не только констатировать наличие тех или иных языковых средств выражения пространства и времени, но и выявлять их функциональную

 © Авторы статьи / Authors of the article

нагрузку в структуре художественного целого. Сопоставительный анализ оригинала и перевода осуществляется как на уровне отдельных лексических единиц и грамматических конструкций, так и на уровне более крупных текстовых фрагментов, что даёт возможность оценить не только точность передачи отдельных элементов, но и сохранение общей пространственно-временной концепции произведения.

Основные результаты и обсуждение

В построении произведения также важным элементом является окружающая среда и природа, которые постоянно находятся в состоянии изменения. Очевидно, что любые изменения оказывают заметное влияние на поступки, поведение, образ жизни персонажей и на все элементы пространства, в котором разворачиваются события. Задача писателя заключается в том, чтобы, отражая и воплощая эти изменения, показать взаимосвязь и общность происходящих событий.

Природа и её проявления в художественных произведениях предстают перед читателем во всём своём великолепии и масштабе. Особенно ярко этот аспект выражен в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Сцены, созданные Толстым, демонстрируют лучшие качества различных видов искусства.

Человеческое мышление по своей природе обладает мощной способностью к сопоставлению. С течением времени человек сравнивает между собой многие картины жизни, запечатлённые в его сознании. В свою очередь, природные явления наполнены своеобразной музыкой, основанной на многообразии человеческих звуков. С другой стороны, сама природа включает в себя различные звуки, часть которых доступна слуху и пробуждает в душе человека особые чувства. Другая же часть этих звуков скрыта и создаёт таинственный мир природы. Таким образом, разнообразие и богатство красок природы, её звучание и яркость природных картин раскрывают особенности художественного мастерства Толстого. Его талант проявляется в том, что с помощью художественно-изобразительных средств и безграничных возможностей языка он создаёт картины, основой которых служат слова и языковые единицы.

Когда писатель говорит о «ночи» как об определённом временном отрезке, его главная цель заключается в изображении явлений, происходящих в её пределах. Неизбежно с понятием «ночь» связываются определённые состояния природы, а затем возникает присутствие людей, персонажей произведения и влияние этих двух факторов на них.

Для исследования данной темы мы выбрали в романе понятие «ночь» как часть временной категории. Все явления, отражённые в романе, а также психологическое состояние героев связаны именно с этим понятием.

«Ночь» как временной отрезок включает начало, продолжение и завершение и неоднократно присутствует в тексте романа. Обращение писателя бывает либо непосредственно к самой «ночи», либо к описанию действий персонажей, происходящих в её пределах.

Следует отметить, что исследуемый нами роман с точки зрения времени начинается именно с предверия ночного времени, точнее — с позднего вечера. Вначале лишь даётся указание на время, после чего разворачиваются дальнейшие события. Для пояснения сказанного обратимся к примеру:

«Уже был второй час ночи, когда Пьер вышел от своего друга. Ночь была июнская петербургская, бессумрачная ночь Пьер сел в извозчью коляску с намерением ехать домой. Но чем ближе он подъезжал, тем более он чувствовал невозможность заснуть в эту ночь, походившую более на вечер или на утро. Далеко было видно по пустым улицам. Дорогой Пьер вспомнил, что у Анатоля Курагина нынче вечером должно было собраться обычное игорное общество, после которого обыкновенно шла попойка, кончавшаяся одним из любимых увеселений Пьера.

«Хорошо бы было поехать к Курагину», — подумал он. Но тотчас же он вспомнил данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина.

Но тотчас же, как это бывает с людьми, называемыми бесхарактерными, ему так страстно захотелось ещё раз испытать эту столь знакомую ему беспутную жизнь, что он решился ехать. И тотчас же ему пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, потому что еще прежде, чем князю Андрею, он дал также князю Анатолю слово быт у него; наконец он подумал, что все эти честные слова — такие условные вещи, не имеющие никакого определенного смысла, особенно ежели сообразить, что, может быть, завтра же или он умрет, или случиться с ним что-нибудь такое необыкновенное, что не будет уже ни честного, ни бесчестного. Такого рода рассуждения, уничтожая все его решения и предположения, часто приходили Пьеру. Он поехал к Курагину» [12, С. 47-48].

Перед тем как приступить к анализу данного текста считаем необходимым обратиться к его переводу на персидский язык, чтобы выявить степень адекватности и отличий в сравнении с оригиналом.

ساعت از یک بعد از نیمه شب گذشته بود که پی یر منزل دوست خود را ترک گفت. یکی از شبهای ماه ژوئن پترزبور گی بود، از آن شبها که هوا تاریک نمی شود. پی یر در شکه ای گرفت تا به خانه برود، اما هرچه به خانه نزد یک می شد بیشتر یقین پیدا می کرد که در این شب روشن که به خانه نزدیک می شد بیشتر یقین پیدا می کرد که در این شب روشن که به عصر یا سحر شباهت داشت به خواب رفتن ممکن نیست. در خیابانهای خلوت تا مسافتی دور همه چیز به وضوح قابل رؤیت بود. در طول راه از ذهنش گذشت که در ضیافت خانهٔ کوراگین طبق معمول بساط قمار برپا خواهد شد و آنهایی که پای ثابت قمارند گرد می آیند و بعد هم به رسم همیشه میگساری است و آخر سر هم ضیافت با یکی از سرگرمیهای دلخواه

.او پایان می یابد

در دل گفت: بد نیست که سری به آنجا بزنم-اما بلافاصله به یاد آورد که به پرنس آندره ی قول شرف داده است که دیگر به خانهٔ آنا تول پا نگذارد. اما چنانکه برای به اصطلاح ضعیف النفسان بسیار پیش می آید، دلش به قدری هوای رفتن به آنجا را داشت و می خواست که یک بار دیگر لذت این زندگی هرزهٔ برایش مآنوس را بچشد که تصمیم گرفت به آنجا برود، و فوراً این فکر از ذهنس گذشت که قول شرفی که داده است اعتباری ندارد، چون پیش از آنکه به پرنس آندره ی قول داده باشد به پرنس آناتول قول داده بود که به خانه اش برود، بعد در دل گفت که این قولهای شرف و مرف همه اش چیزهای قرار دادی اند و هیچ معنی ندارند، تازه، چه بسا ممکن است همین فردا بمیرم یا برایمان اتفاق ناگواری بیفتد که نه شرافتی باقی بماند و نه چیز دیگری.این طور دلیل تراشیها که بر تمام تصمیمهای او خط بطلان می کشید برایش عادی بود. به خانهٔ کوراگین رفت [13, С. 62].

Подстрочный перевод данного отрывка выполнен следующим образом:

 © Авторы статьи / Authors of the article

«Уже перевалило за второй час ночи, когда Пьер покинул дом друга. Эта была одна из белых июньских, бессумрачных петербургских ночей. Пьер сел в извозчичью коляску, чтобы отправиться домой. Но чем ближе он подъезжал к дому, тем сильнее чувствовал невозможность заснуть в эту ночь, походившую более на вечер или на утро. Далеко было видно по пустым улицам.

По пути к дому Пьер вспомнил, что в этот вечер у Анатоля Курагина должно было собраться обычное игорное общество, после которого обыкновенно шла попойка, кончавшаяся одним из любимых увеселений Пьера.

— Хорошо бы было поехать к Курагину, — подумал он.

Но тотчас же он вспомнил данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина.

Но, как это бывает с людьми, которых называют бесхарактерными, ему так жгуче захотелось ещё раз испытать эту столь знакомую ему беспутную жизнь, что он решил ехать. В ту же минуту ему пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, потому что ещё прежде, чем князю Андрею, он пообещал также князю Анатолю быть у него; наконец, он подумал, что все эти честные слова — такие условные вещи, не имеющие никакого определённого смысла, особенно если сообразить, что, может быть, завтра же или он умрёт, или случится с ним что-нибудь такое необыкновенное, что не будет уже ни честного, ни бесчестного. Такого рода рассуждения, уничтожая все его решения и предположения, часто приходили Пьеру. Он поехал к Курагину».

Как уже отмечалось, время в художественных произведениях как категория рассматривается с различных точек зрения.

Время, воплощённое в литературном произведении, обладает определёнными пределами и границами. Например, это может быть один день, одна ночь, один год или несколько лет.

Пространство также является одной из основополагающих категорий художественной литературы и выступает в качестве фона разворачивающихся событий.

Категория времени в повествовательных произведениях, в том числе в романе, представляет собой один из структурных элементов повествования, который придаёт произведению направленность, глубину и своеобразие. Время в повествовании имеет три аспекта:

– время истории — продолжительность реальных и логически связанных событий в пределах сюжета, происходящих последовательно от начала до конца;

– время повествования — порядок расположения событий в рассказе и способ их представления читателю.

Третьим аспектом является время чтения, то есть продолжительность физического и реального времени, которое читатель затрачивает на прочтение текста.

Не следует забывать, что категория пространства в прозаических произведениях представляет собой психологическую атмосферу, господствующую в произведении. Она, выходя за пределы физического места действия, передаёт читателю скрытые чувства и переживания произведения. Пространство связано с описанием, интонацией и тональностью повествования. Оно мысленно погружает читателя в художественный мир произведения. Следует также понимать, что между понятиями «пространство» и «место» существуют различия, знание которых необходимо.

Место представляет собой географические и физические особенности разворачивания сюжета, то есть указывает, в каком городе, деревне, доме или здании происходят события. Пространство же является психологической атмосферой, возникающей на основе места действия. Например, если местом является роща или лес, то описание света, темноты и звуков может создавать различные атмосферы, в том числе тревожную и пугающую.

Теперь вернёмся к приведённому выше примеру. Повествование начинается с точного указания времени — «второй час ночи», в пределах которого находится герой произведения. Внимание писателя здесь сосредоточено одновременно и на времени, и на персонаже.

Во втором предложении указывается пространственная принадлежность времени («ночь была июньская, петербургская»), а также даётся её характеристика — «бессумрачная».

Следует отметить, что в художественном тексте каждое слово и каждое описание преследуют определённую цель. Прежде всего необходимо задуматься над характеристикой «ночи». Писатель называет белые ночи Петербурга «бессумрачными». Свет, разлитый по улицам, не похож на дневное освещение; он создаёт одновременно состояние надежды и тревоги. Эта сцена раскрывает важное психологическое состояние героя. Внутренний мир Пьера, его безволие под влиянием неподходящего окружения и сомнительных друзей становятся особенно заметными.

Как видно, в рамках временного измерения происходят изменения во внутреннем состоянии и психологическом портрете героя.

По мнению исследователей, Л.Н. Толстой в процессе создания произведения всегда уделял внимание возникновению и развитию подобных изменений: «Мгновенные или ситуативные особенности облика, с точки зрения писателя, неотделимы от личности и её психологического состояния, представляя собой отражение многообразия её качеств в структуре психологии персонажа» [3, С. 58]. Интересные замечания по этому поводу принадлежат также М.Б. Храпченко [7].

В рассматриваемом романе мы встречаем различных персонажей, действия которых происходят ночью. Разумеется, именно писатель помещает их в границы такого времени.

Иногда изображение или упоминание времени ограничивается несколькими словами, однако атмосфера, порождённая этим временем, подчиняет себе героя, и его внутренний мир раскрывается перед читателем. В подтверждение сказанного приведём ещё один пример. Он относится к адъютанту Кутузова — Андрею Болконскому, которого Кутузов ночью отправляет в Брюнн с важным письмом.

«Ночь была темная, звездная; дорога чернелась между белевшим снегом, выпавшим накануне, в день сражения. То перебирая впечатления прошедшего сражения, то радостно воображая впечатление, которое он произведет известием о победе, вспоминая проводы главнокомандующего и товарищей, князь Андрей скакал в почтовой бричке, испытывая чувство человека, долго ждавшего и, наконец, достигшего начала желаемого счастия» [12, С. 227].

 © Авторы статьи / Authors of the article

Перевод на персидский язык:

شبی تاریک و آسمان پر ستاره بود. روز پیش، یعنی روز جنگ برف باریده بودوراه بر دامن سفید خاک خطی سیاه می کشید. پرنس آندره ی گاه تأثرات و به یادمانده های نبردرا مرور می کرد و گاه اثری راکه با دادن مژدۀ پیروزی در دل درباریان پدید می آورد و در این احوال در کالسکۀ پست نشسته پیش می رفت و احساس کسی را داشت که مدتی دراز انتظار کشیده تا عاقبت طلایۀ کامیابی براو نمایان شده است [13, С. 205].

Подстрочный перевод:

«Ночь была тёмной, а небо — усыпанным звёздами. Накануне, в день сражения, выпал снег, и дорога чёрной полосой тянулась по белому снежному покрову. Князь Андрей то перебирал в памяти впечатления и воспоминания о битве, то представлял себе то воздействие, которое произведёт известие о победе при дворе. В почтовой коляске он ехал вперёд, испытывая чувство человека, долго ожидавшего и наконец увидевшего первые признаки желанного счастья».

Очевидно, что данный фрагмент начинается с акцентирования внимания на времени — ночи, которая одновременно обладает и темнотой, и сиянием звёздного неба. Уже в первом предложении присутствуют и время, и элемент природы, а именно «снег, выпавший накануне» (снегом, выпавшим накануне), что указывает на зимнее время года. Эти два элемента чрезвычайно важны для формирования сюжетной линии повествования и активизации сознания и памяти героев.

Как показывает жизненный опыт, холодные зимние ночи нередко побуждают человека мысленно обратиться к своему жизненному пути или к отдельным его этапам, сопоставить собственные победы и поражения. Именно в таком состоянии находится Андрей Болконский, который едет в повозке, чтобы доставить известие о победе. Он вспоминает картины прошедшего сражения, представляет реакцию противоположной стороны на известие о победе и испытывает удовлетворение и радость.

Особенно примечательна в данном фрагменте фраза: «испытывая чувство человека, долго ждавшего и, наконец, достигшего начала желаемого счастия». Она относится не только к роману «Война и мир». Это сцена, отражающая универсальное психологическое состояние человека, источник которого заключён в самой человеческой природе. Многие люди переживали подобное чувство.

Обычно пространство и время как онтологические категории становятся объектом исследования и образуют особую систему, на основе которой осуществляется познание мира. По мнению исследователей, такое познание возможно в рамках художественного текста. В связи с этим каждый текст должен изучаться как с эстетической, так и со смысловой точки зрения [1].

Иными словами, пространственно-временная структура художественного произведения является инструментом объяснения и интерпретации бытия, художественного отражения действительности и её воспроизведения посредством языковых средств. Не случайно Ю.М. Лотман определял пространственное моделирование как особый язык, воплощающий различные философские, эстетические, национальные и иные представления о мире [10, С. 92].

Из этого следует, что поэтика, или эстетические аспекты художественного произведения, в том числе эстетика пространственно-временных отношений, тесно связаны с онтологией, то есть с фундаментальным учением о всестороннем познании бытия. Сюда относится и взгляд автора произведения на существующие обстоятельства и его отношение к ним.

Как следует из приведённых выше рассуждений, в основе подлинного исследования художественного пространства и времени лежит система научных текстоцентрических представлений, определяющих тематику и способы изображения действительности в конкретную историческую эпоху.

Эта система связана с пониманием пространства как моделирующего языка, посредством которого «становится возможным выражение и передача любого смысла и содержания, поскольку данная система отражает структурные отношения» [9, С. 24].

Следует отметить, что данная концепция Ю.М. Лотмана, с одной стороны, придала новый импульс лингвистическим исследованиям текста, а с другой — открыла новые горизонты в культурологическом изучении художественных произведений. В структурно-семантическом анализе текста важное место занимает художественный мир как проект и модель объективной реальности, формирующие «точку зрения», то есть способ восприятия человеком окружающего мира.

С точки зрения указанного исследователя, «точка зрения» проявляется как отношение системы (то есть модели мира, воплощённой в тексте) к её создателю (личности, породившей эту систему). Тем самым открывается путь литературоведческого анализа, связывающего структуру текста с сознанием, результатом которого она является. Пространственная перспектива текста одновременно определяет его смысловую и ценностную перспективу.

Следует подчеркнуть, что подобное понимание «точки зрения» впоследствии было признано известным литературоведом Б.А. Успенским как «основная проблема композиции» художественного произведения [14, С. 10].

Согласно его взглядам, термин «точка зрения» первоначально выражает пространственное значение и определяет позицию наблюдателя в изображаемом мире.

При этом основополагающим аспектом «точки зрения» является её идеологическая сторона, которая связывает функционирование текста с существующей системой ценностей. Оба этих элемента играют ведущую роль в художественной модели мира. Вместе с тем оценка наблюдателем внутреннего мира произведения и оценка автора произведения, предмет наблюдения и его границы формируют и другие особенности «точки зрения», в том числе пространственно-временные, фразеологические и психологические.

Б.А. Успенский полагал, что в процессе повествования автор произведения располагает двумя возможностями: «Он может осуществлять описание, опираясь на то или иное индивидуальное сознание, то есть с заранее определённой точки зрения, либо отражать явления как объективную реальность» [14, С. 138].

 © Авторы статьи / Authors of the article

Для подтверждения этих положений обратимся к продолжению текста:

«Как скоро он закрывал глаза, в ушах его раздавалась пальба ружей и орудий, которая сливалась со стуком колёс и впечатлением победы. То ему начинало представляться, что русские бегут, что он сам убит; но он поспешно просыпался, со счастием как будто вновь узнавал, что ничего этого не было и что, напротив, французы бежали. Он снова вспоминал все подробности победы, своё спокойное мужество во время сражения и, успокоившись, задрёмывал... После тёмной звёздной ночи наступило яркое, весёлое утро» [12, С. 227].

چشمها را که می بست طنین تیر توپ و تفتنگ در گوشش غوغا می کرد و این غوغا با صدای چرخهای کالسکه و نیز شیرینی پیروزی درهم می آمیخت. گاه به نظرش می آمد که سربازان روسی می گریزند و او خود کشته شده است، اما بی درنگ بیدار می شد و از بیداری خود لذت می برد. انگارهر بار از نو در می یافت که اینها همه خوابی بیش نبوده است و، به عکس، فرانسویان بودند که گریخته بودند و دوباره تمام جزئیات پیروزی و جسارت پرمتانت خودرا ضمن جنگ به یاد می آورد و با خاطری آسوده باز به خواب می رفت...بعد از شب پرستارهٔ بی مهتاب،بامدادی روشن و خندان بود [13, С. 205].

Подстрочный перевод:

«Как только он закрывал глаза, в его ушах вновь звучала стрельба ружей и пушек, сливавшаяся со стуком колёс экипажа и сладостным ощущением победы. Иногда ему казалось, что русские солдаты бегут и что он сам погиб. Но он тотчас же просыпался и с радостью убеждался, что всё это было лишь сном и что, напротив, бежали французы. Он снова вспоминал все подробности победы и своё спокойное мужество во время сражения и, успокоившись, вновь погружался в дремоту... После звёздной ночи без луны наступило ясное и радостное утро».

В данном фрагменте психологическое состояние героя изображается повествователем. По мере чтения становится очевидно, что на первый план выходит психологический аспект «точки зрения». Иными словами, внутренний мир и сознание героя рассматриваются в связи с явлениями, происходящими в пространственно-временных рамках повествования.

Сочетания «закрывал глаза» и «задрёмывал» обозначают состояния, которые обычно связаны с ночным временем. Далее анализируются переходы героя между сном и бодрствованием, его впечатления от пережитого и осмысление прошлого в протяжённости времени. Одновременно раскрываются отдельные стороны его целей и устремлений. Последнее предложение завершает господство ночи и знаменует наступление нового дня.

Таким образом, становится очевидно, что пространство любого текста включает широкое присутствие пространственно-временных отношений. В заключительной части статьи необходимо сопоставить перевод с оригиналом, чтобы определить, в какой степени пространственно-временная организация исходного текста сохраняется в переводе.

Перевод выполнен художественно и профессионально, с сохранением естественности персидского языка. Это означает, что если анализировать переводной текст с точки зрения особенностей категории времени и пространства и их взаимосвязи в художественном произведении, то обнаруживается значительное соответствие оригиналу. Вместе с тем существуют отдельные различия, обусловленные спецификой и природой сопоставляемых языков.

Например, в оригинальном тексте сказано: «Уже был второй час ночи», то есть время обозначено совершенно точно и определённо. В персидском переводе временная характеристика становится менее конкретной: «ساعت از یک بعد از نیمه شب گذشته بود» («Было уже за час после полуночи»).

Во второй части первого предложения, указывающей на место действия, в оригинале место не конкретизируется: «Пьер вышел от своего друга». Однако в переводе оно становится более определённым: «پی یر منزل دوست خودرا ترک گفت» («Пьер покинул дом своего друга»).

Людям, знакомым с географическими особенностями Санкт-Петербурга, известно, что его ночи не бывают по-настоящему тёмными и называются «белыми ночами».

Стремясь передать этот смысл, переводчик, сохраняя структуру предложения, добавляет краткое пояснение: «از آن شبها که هوا تاریک نمی شود» («из тех ночей, когда не темнеет»).

В продолжении предложения переводчик, желая подчеркнуть светлость ночи, вводит дополнительное слово «روشن» («светлый»), отсутствующее в оригинале.

Предложение «у Анатоля Курагина нынче вечером должно было собраться обычное игорное общество» содержит указание как на место, так и на время действия. В переводе эти компоненты приобретают особую ясность и определённость.

В данном случае перевод выполнен с учётом хода мыслей персонажа. Так, выражение «у Анатоля Курагина» в переводе передано как:

«در ضیافت خانهٔ کوراگین» («на вечере в доме Курагина»), а фраза «должно было собраться обычное игорное общество» переведена как:

«بساط قمار برپا خواهد شد» («будет устроено обычное игорное собрание»).

Для большей ясности переводчик добавляет следующее выражение:

«و آنهایی که پای ثابت قمارند گرد می آیند» («и соберутся те, кто является постоянными участниками игры»).

Во второй части текста, где анализируется внутренний мир героя, персидский перевод также заслуживает внимания. Лишь некоторые различия обусловлены особенностями языковой природы. Для иллюстрации приведём следующий пример:

«Хорошо бы было поехать к Курагину», — подумал он.

В переводе смысл сохраняется, однако способ выражения несколько иной: «در دل گفت: بد نیست که سری به آنجا بزنم» («Подумал про себя: неплохо было бы заглянуть туда»).

 © Авторы статьи / Authors of the article

Следует подчеркнуть, что переводчик стремился максимально использовать выразительные возможности языка и традиционные способы передачи устойчивых речевых ситуаций.

Например, в персидском языке для выражения некоторых оттенков значения употребляются парные слова, образованные путём повторения одинаковых компонентов с изменением начального звука второго элемента. Подобные явления встречаются и в таджикском языке, а также характерны для современного персидского языка: «чой-пой», «одам-подам», «китоб-питоб».

Переводчик персидского текста использовал данный приём. Так, предложение: «...эти честные слова — такие условные вещи, не имеющие никакого определённого смысла» было переведено следующим образом:

«این قولهای شرف و مرف همه اش چیزهای قرار دادی اند و هیچ معنی ندارند» («Все эти разговоры о чести и прочем — лишь условности и не имеют никакого смысла»).

Третий пример также представляет интерес с точки зрения категорий пространства и времени и их влияния на психологическое состояние персонажей произведения.

Перевод выполнен весьма удачно, и все пространственно-временные детали в нём сохраняют соответствие оригиналу.

Тёмная ночь, предыдущий день — время; звёздное небо, белое снежное пространство земли — пространство, место действия. После упоминания этих двух ключевых элементов описываются психологическое состояние и внутренний мир героя, формирующиеся под воздействием времени и пространства.

Заключение

Рассмотренные выше примеры и их сопоставление с подстрочным и художественным переводами позволят прийти к выводу о том, что художественное время и художественное пространство (место) представляют собой условные категории, отражающие мир воображения автора произведения. Эти две категории не подчиняются законам физической реальности. Писатель по своему усмотрению может сужать или расширять их границы, переносить персонажей на большие расстояния, погружать их в глубины размышлений и внутренних переживаний.

Художественное время зависит от авторского замысла и мировосприятия и является одним из основных средств построения сюжета. Оно может отражать историческое время, определённую эпоху, конкретный календарный период, суточные изменения или время биографического повествования, охватывая отдельные этапы человеческой жизни — детство, зрелость, старость или жизненный путь в целом.

Течение времени может осуществляться также в пространстве воспоминаний и мира сновидений.

Художественное время нередко приобретает характер космического времени, то есть философского времени, воплощающего идею вечности и постепенной смены поколений.

Наряду с художественным временем художественное пространство также обладает своими специфическими особенностями. Оно может быть открытым или замкнутым, реальным или воображаемым. С точки зрения масштаба оно способно проявляться как в малых, так и в больших формах.

Как уже отмечалось, эти две категории находятся в теснейшей взаимосвязи. Течение времени способствует развитию и расширению пространства.

Таким образом, исследование категорий пространства и времени в художественной литературе показывает, что их присутствие в литературном тексте может выполнять различные функции: участвовать в создании сюжета, формировать смысловое содержание произведения, способствовать познанию явлений бытия и выполнять ряд других художественных задач.

Сравнительное изучение оригинального текста и его перевода также играет важную роль в более глубоком понимании рассматриваемой проблемы и способствует более полному раскрытию особенностей художественного пространства и времени.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 350 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234–407.
3. Большаков Л.Л. Лев Толстой (Поиски и находки) / Л.Л. Большаков. — Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1984. — 264 с.
4. Тюпа В.И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ) / В.И. Тюпа. — Москва : Лабиринт, 2001. — 226 с.
5. Фарыно Е. Введение в литературоведение: учеб. пособие для студентов вузов / Е. Фарыно. — Санк-Петербург : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. — 639 с.
6. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. — Москва : Прогресс, 1993. — 324 с.

 © Авторы статьи / Authors of the article

7. Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник / М.Б. Храпченко. — Москва, 1963. — 448 с.
8. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 74–87.
9. Лотман Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. — Санк-Петербург : Искусство-СПб, 1996. — 708 с.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. — Санк-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
11. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — 312 с.
12. Толстой Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой — Москва : Эксмо, 2022. — Т. 1. — 448 с.
13. تولستوی، ل.ن. جنگ و صلح. جلد اول. / ل. تولستوی. — تهران : انتشارات پیام نو، ۱۹۷۷. — ۷۴۴ ص.
14. Успенский Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. — Москва : Искусство, 1970. — 236 с

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity] / M.M. Barkhtin. — Moscow : Iskusstvo, 1979. — 350 p. [in Russian]
2. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and the Chronotope in the Novel] / M.M. Bakhtin // Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let [Issues of Literature and Aesthetics: Studies from Different Years]. — Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1975. — P. 234–407. [in Russian]
3. Bolshakov L.L. Lev Tolstoi (Poiski i nakhodki) [Leo Tolstoy (Searches and Discoveries)] / L.L. Bolshakov. — Chelyabinsk : Southern Urals Publishing House, 1984. 264 p. [in Russian]
4. Tyupa V.I. Analitika khudozhestvennogo (Vvedenie v literaturovedcheskii analiz) [Analytics of the Artistic (Introduction to Literary Analysis)] / V.I. Tyupa. — Moscow : Labirint, 2001. — 226 p. [in Russian]
5. Faryno E. Vvedenie v literaturovedenie: ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Introduction to Literary Studies: A Textbook for University Students] / E. Faryno. — Saint Petersburg : A. I. Herzen State Pedagogical University Publishing House, 2004. — 639 p. [in Russian]
6. Florensky P.A. Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitelnykh proizvedeniyakh [Analysis of Spatiality and Time in Works of Fine Art] / P.A. Florensky. — Moscow : Progress, 1993. — 324 p. [in Russian]
7. Khrapchenko M.B. Lev Tolstoi kak khudozhnik [Leo Tolstoy as an Artist] / M.B. Khrapchenko. — Moscow, 1963. — 448 p. [in Russian]
8. Likhachev D.S. Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya [The Inner World of a Literary Work] / D.S. Likhachev // Voprosy literatury [Issues of Literature]. — 1968. — № 8. — P. 74–87. [in Russian]
9. Lotman Yu.M. Ob iskusstve [On Art] / Yu.M. Lotman. — Saint Petersburg : Iskusstvo-SPb Publ., 1996. — 708 p. [in Russian]
10. Lotman Yu.M. Semiosfera [The Semiosphere] / Yu.M. Lotman. — Saint Petersburg : Iskusstvo-SPb Publ., 2000. — 704 p. [in Russian]
11. Schmid W. Narratologiya [Narratology] / W. Schmidt. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2013. — 312 p. [in Russian]
12. Tolstoy L.N. Voina i mir [War and Peace] / L. Tolstoy. — Moscow : Eksmo, 2022. — Vol. 1. — 448 p. [in Russian]
13. Tolstoy L.N. Jang va sulh. Jildi I [War and Peace. Vol. I] / L. Tolstoy. — Tehran : Payam-e Now Publ., 1977. — 744 p. [in Persian]
14. Uspensky B.A. Poetika kompozitsii [Poetics of Composition] / B.A. Uspensky. — Moscow : Iskusstvo, 1970. — 236 p. [in Russian]